

С л о в о,
действие, позиция

20 ОКТ 1982

ОПЕРАЦИЯ ПРАВА
Г. МОСКВА

Совсем недавно прославленная матовская сцена принимала гостей — Ленинградский театр драмы имени А. С. Пушкина. Известный коллектив привнес на сцену московских зрителей И в том, что половина спектаклей из этого числа — на современную тему, есть глубокий смысл. Он заключен в установках театра: поиске героев нашего времени, стремлении обнаружить свое понимание нравственных ценностей таких людей.

Еще эти гастроли можно в некотором смысле назвать итоговыми, ведь в нынешнем году старейшему советскому театру исполняется 225 лет. А его приезд в столицу накануне большого праздника, шестидесятилетнего юбилея нашего государства, придавал гастролем особое значение. Театр словно бы фиксировал ту точку развития на своем долгом пути в искусстве, от которой он, наверное, повел отсчет дальнейшей жизни. И хотя творческий процесс, стремление обнаружить сценический идеал непрерывны, эти шесть спектаклей все же дают право судить как о многих ярких обречениях, так и некоторых просчетах коллектива, ибо они непременно сопровождают целеустремленность всякого поиска.

Три современных героя — доктор Крымов, коммунист Ремез, простая деревенская женщина Настена. Вот они, те люди, чей нравственный облик, сила и неординарность характера в полной мере стремится воссоздать театр, обнаружить их духовный потенциал нашего общества. И все же первые два героя стоят на особом месте. Во-первых, потому что исполнители главных ролей в спектаклях «Пока бьется сердце» (по сценарию Д. Храбровицкого) и «Предель возможного» (по роману И. Герасимова) — большой мастер сцены, художественный руководитель театра И. Горбачев. Но еще и потому, что постановщик обоих спектаклей — тоже И. Горбачев. А факт этот не столь уж незначителен для самих сценических образов наших современников, трактовок и исполнение которых, как кровь от крови, плоть от плоти, зависят от всей ткани спектакля, от сценического прочтения драматургии.

Остается только удивляться мастерству актера и режиссера И. Горбачева, сумевшего в спектакле «Пока бьется сердце» из драматургического материала сделать суть своего героя, потому что во многом сценарий мелодраматичен. Особенно ощущается это в сцене и притом главной линии — во взаимоотношениях блестящего хирурга Крымова и его пациентки, ставшей потом близкой, любимой женщиной, — поэтессы Мали.

Мелодрама и публицистика — вещи, казалось бы, несовместимые. Но здесь мелодрама осталась в сценарии. Публицистика родилась на сцене. Она не в громкости слов, не в декларациях в открытой боли актера и человека за судьбу другого. Она в тихих, проникновенных монологах Крымова — Горбачева, обращенных в зал, в том душевном напряжении, что не оставляет актера на протяжении всего спектакля и передается нам, зрителям, глубоко благодарным за высокий уроч нравственности.

И, думаю, не родилось бы это ощущение, если бы Горбачев-режиссер не обнаружил, не нашел его в общем решении постановки. Мысль, боль героя про-

низывает весь спектакль, делает каждую сцену подчиненной одной задаче. А она в том, что история любви хирурга Крымова как бы выносится одновременно на суд и зрителей, и самих участников спектакля. Своеобразный «хор», массовка из людей в белых халатах — то ли студентов, то ли уже врачей, — исполняющих на протяжении всего спектакля многоступенчатую, вверх, аудиторию, а может, и операционную, чутко реагирует на все, что происходит на сцене.

Столь подробно останавливаться на этом спектакле необходимо не для того, чтобы опровергнуть ставшее традиционным мнение о театре имени А. С. Пушкина, как актерском. Благодарная память зрителя никогда не забудет славных имен: Н. Черкасова, А. Борисова, Ю. Толубеева, В. Меркурьева, актерская судьба которых во многом поддерживала это издавна утвердившееся суждение. Да и нынешние гастролы продемонстрировали прекрасное мастерство как «среднего» актерского поколения, составляющего на сегодняшний день основу театра, — того же И. Горбачева, Н. Мамаева, А. Соколова, В. Вельяминовой, Г. Карелиной, Р. Балашовой, А. Горбачевой, так и более молодого — А. Чурсиной, В. Паниной, М. Кузнецовой, покорили нас и старейшины коллектива — К. Адашевский, Б. Фрейндлих.

Столь пристально взглянуть на режиссерскую практику как И. Горбачева, так и постановщиков других спектаклей необходимо во имя все той же мысли о современном сценическом герое, которого открывает театр. Оттого необходимо, что такое уж это искусство — театральное, где и актер, и режиссер объединены одним общим делом — спектаклем. Они вместе создают героя, утверждают общее понимание его личностной ценности. Но если театр «актерский», значит ли это, что режиссура на втором плане? «Пока бьется сердце» и «Предель возможного» всем успехом своим отрицают эту мысль, хотя как хирург Крымов, так и коммунист Ремез полноправно царят на сцене. Ремез Горбачева — сильный характером, личностью, рожденная суровым временем войны, когда ценой предельных возможностей народ наш шел к победе. Характер постановки русский, широкий, непреложный, он из тех, на которых «чир держится», — тот положительный герой, о котором так часто мечтают сегодня театры.

И опять-таки Ремеза нам во многом поможет увидеть режиссер, потому что спектакль отличает цельность формы, яркость постановочного решения. Единая сценическая конструкция, широкой полосой замыкающая колосниками, становится по мере необходимости то залетной полосой, то цехом завода, то интерьером квартиры, но при этом всегда несет в себе один важный символ — дороги, непростности движения вперед, бесконечности нашего пути.

Тон спектакля, может быть, излишне приподнят, но сделав это во имя все той же публицистичности, высокой духовной атмосферы, которая его пронизывает.

К сожалению, этой страстности и глубины постижения человеческого характера оказалось лишним спектакль по повести В. Распутина «Жизни и помин» (постановщик С. Илюхин).

Сюжет повести хорошо извест-

вен: в годы войны в одной сибирской деревне, все мужчины из которой ушли защищать Родину, тайно объявился муж Настены — Андрей. Он дезавировался от правосудия. Настена тайком ходит к нему, мучительно переживая духовную слабость мужа. Мучительно ищет она выход из этой трагической ситуации. Но выхода нет, потому что предательство есть предательство.

Но как авторский замысел оказался далек от своего сценического воплощения! Условия метафоричности, привнесенные в сугубо реалистическое повествование, всевозможные атрибуты «эпического» зрелища сместили акценты происходящего. Трактовка образа Андрея (А. Анисимов), вызывающего у зрителя только одно чувство — жалость, идет вразрез с авторской мыслью. И уход Настены (Т. Кулиш), ожидающей ребенка из жизни — высокий нравственный выбор, очищение своей, да и Андрея души оказался подмененным в спектакле случайной гибелью.

Но тем и прекрасен театр, что, усомнившись в его правоте однажды, в следующий вечер вы снова обретаете веру, получаете истинное наслаждение от мастерства актеров, их вдохновения, от глубины раскрытия души человеческой. Так было на «Элгии» (пьеса П. Павловского), где весь вечер зрители были словно бы наедине с Иваном Сергеевичем Тургеневым (Б. Фрейндлих) и прекрасной актрисой Марией Гарикиной (В. Панина). Так было и на «Детях солнца» М. Горького (постановка А. Сагальника), и спектакле «Моя любовь Электра» (режиссер В. Рубанов) по пьесе венгерского драматурга Л. Дюрко, интересно переведенной К. Рождественской. И урок этих театральных вечеров в том, что они лишены раз подтверждают: актерский театр никогда не вступает в противоречие с умной, ясной режиссерской мыслью, он лишь способствует ее более яркому и активному проявлению.

В «Детях солнца» — спектакле сугубо реалистическом, ярко бытовым хотелось бы особо отметить два образа. Простота И. Горбачева — своего рода «человек-слепец», — благородный, безавольный, ленивый душой, несмотря на свою занятость наукой, которая, кстати, отдает скорее схоластической. Его называют «младенцем», и действительно, в этом грузном мужчине живет большой ребенок, неспособный до конца своих дней постичь всю сложность и противоречивость реальной действительности. А рядом с ним Лиза — А. Чурсина, не больная, не безумная, какой представляют ее себе окружающие. Эта Лиза — ясновидящая, уминая, тонкая, и в чем-то пророк. И тогда еще сильнее начинает звучать в спектакле горьковская мысль о том, что никогда эти «дети солнца» не поймут тех и не будут поняты теми, кто просто ходит по грешной земле, составляя ее опору и силу. И в современной философской притче «Любовь моя Электра», героями которой выступают персонажи мифов Древней Греции, театр привлекает прежде всего реальную, земную жизнь, богатая оттенками всех человеческих чувств.

Та самая жизнь, что рождает все новых и новых героев Театра имени А. С. Пушкина.

Т. ГАЙНКА.